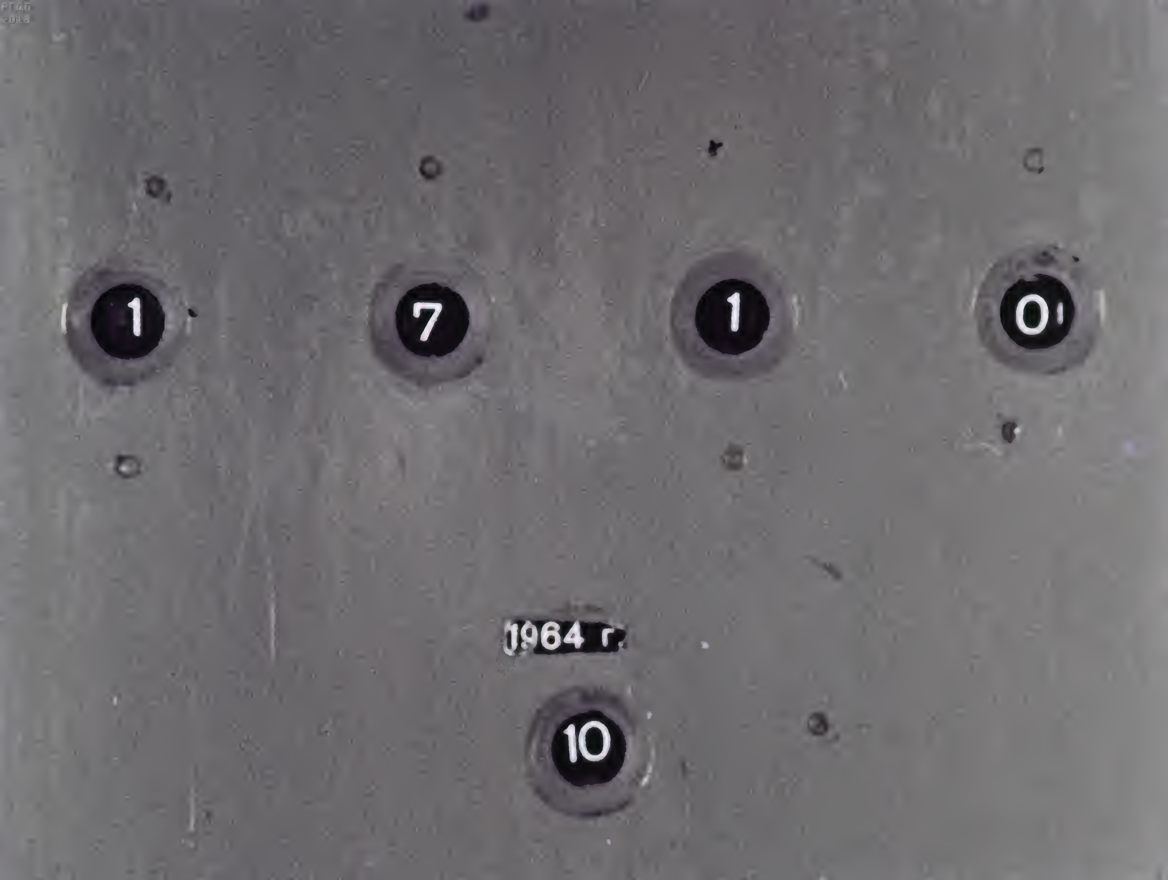

1
7
1
01
1964 г.
10

Красный бакен

По мотивам одноимённого рассказа С. Григорьева

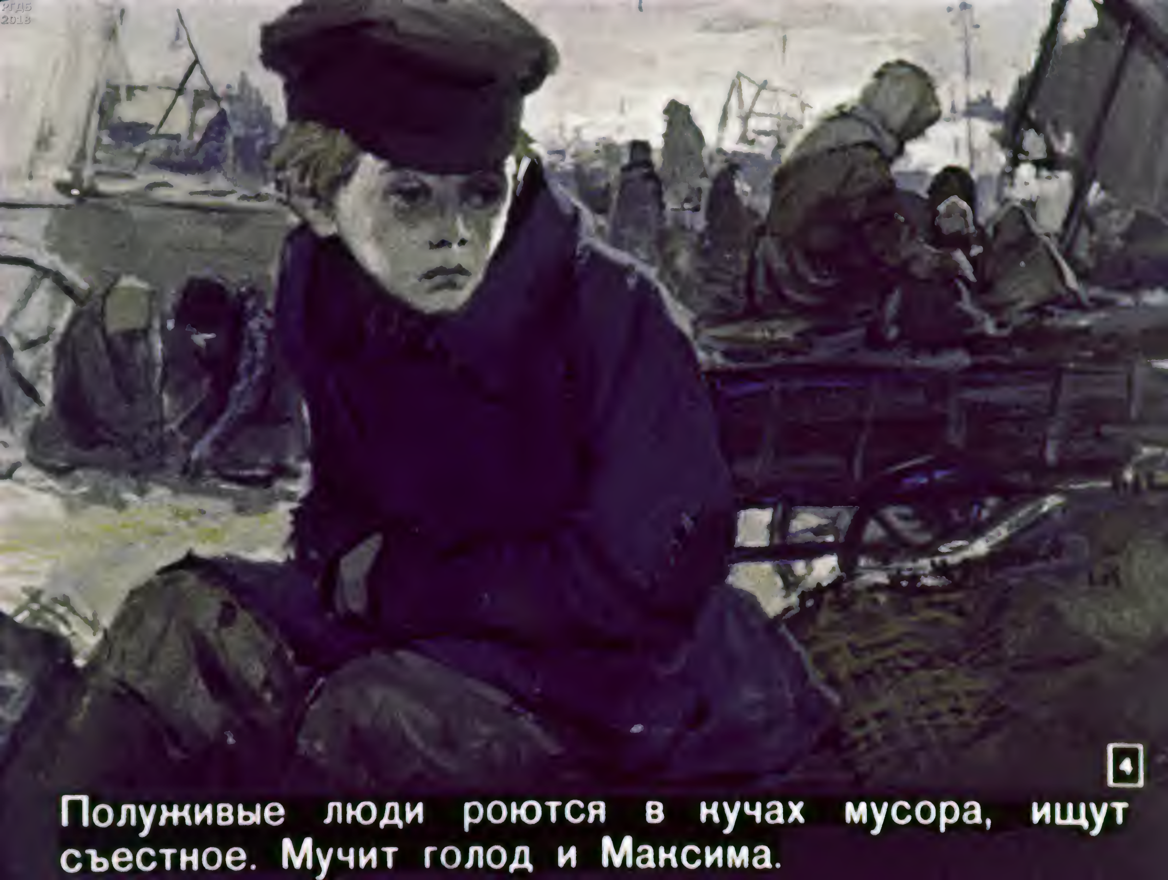
Художник О. Новозонов

Максим, съёжась, сидел на возу и почти спокойно смотрел, как положили на телегу и покрыли брезентом отца и мать.

Табор беженцев больше месяца ждёт переправы. Но за Волгой тоже война. Белые наступают. В таборе лихорадка, холера, голод.

Полуживые люди роются в кучах мусора, ищут съестное. Мучит голод и Максима.

Он бредит, зовёт мать, и чудится ему: на табор налетели белогвардейцы.– „Гони волов!“ –кричит казак.

Испуганно дрожа, Максим соскочил с воза. Казака не было. Куда гнать волов? Зачем? Максиму стало страшно. Он прижался щекой к тёплой и сухой голове вола: „Прощайте, волики мои добрые..."

7

Максим долго брёл по берегу и очнулся лишь на пристани. – „Ты куда?" – остановил его высокий седой старик. Максим кое-как рассказал о своей беде. – „Дедушка, возьми меня с собой!.."

8

– „Леонтий! – окликнул старик. – Леонтий, ты механик. Возьми его за маслёнщика“. – „Худ больно, Пармен Иванович“. – „Ну ничего, откормим“.

– „Видишь, парень, – сказал механик, – дело у нас военное, боевое! Маслёнщика такого же, как ты, убило. Не сробеешь?" – „Нет". – „Ну, тогда айда учиться".

В трюме ревело пламя. Механик подвёл оглушённого Максима к своему помощнику: „Вот тебе, Алексей, новый маслёнщик". – Алексей оглянулся: „Где это ты нашёл такую рвань?"

Прошло немного дней, и Максим уже стал понимать, что к чему: заливал маслёнки, лазил по штангам.

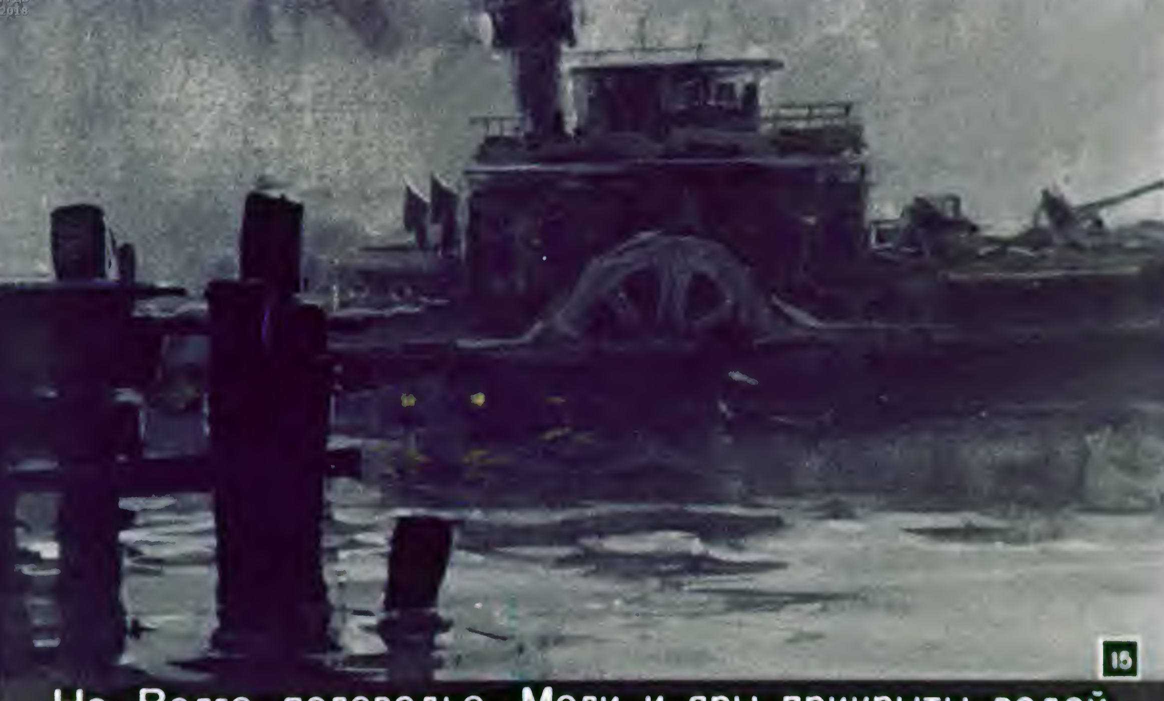
Учил его сам механик. – „Особо запомни, – говорил он,– если эта стрелка зайдёт за черту – значит котёл вот-вот взорвётся, кипятком сварит всех в трюме, а пароход сломится надвое".

Когда механик объяснял мальчику полезную и опасную силу машины, Алексей кривился недоброй улыбкой. „Он вроде паука", – со смутной тревогой думал Максим.

Вскоре командир „Ермака“, бывший моряк Ждан, получил приказ: тайно, ночами идти к островам Сорока Братьев, соединиться с главными силами флотилии.

На Волге половодье. Мели и яры прикрыты водой, а береговые огни повсюду сняты. Только опытный лоцман мог теперь вести пароход ночами. Едва стемнело, „Ермак“ отчалил.

16

Ждан и Пармен Иванович, тот старик, который посоветовал Леонтию взять Максима, не покидали рубку. Пармен Иванович – лоцман, первое лицо после командира. Без него „Ермак" не пароход, а бревно.

17

– „Не собьёмся с фарватера?" – тревожно спрашивал Ждан. – „Командуйте „полный". Пятьдесят лет хожу лоцманом".

На рассвете старый волгарь привёл пароход в узкий залив – ерик, укрыл „Ермака" в путанице нависших над водой деревьев.

Ночью Ждан вызвал лоцмана.–„Белые,–сказал он,–готовят удар у Сорока Братьев. А чтобы к нашим не подошла помощь по воде, ставят мины пониже островов. Мы должны прорваться".

– Но кто, – продолжал Ждан, – сумеет разведать места минных заграждений, а потом ночью провести пароход? – Пармен Иванович молча поднялся.

21

Накрапывал дождь. На корме „Ермака" тихо возились Ждан, лоцман, Максим – спускали бударку. Старик бросил в неё пустые мешки. – „Ну, сынок, садись!"

– Мы с тобой теперь вроде „мешочников". Едем за хлебом. Понял? Больше ничего. Переплывём реку, и тяни бечевой.

23

Максим перебирается через корни, взбирается по крутым тропинкам. Тянет уже много часов и едва не падает от изнеможения.

Наконец Пармен Иванович подгрёб к берегу. – „Довольно, сынок! Отсюда пойдём пешком".

Старик, видно, хорошо знал эти места, уверенно шёл через заросли. Они пересекли одну гриву, поднялись на другую.

Дед прополз под кустами. – „Смотри! Катера ставят мины... Видишь красный бакен? Тут и есть проход. Когда мины поставят, бакен уберут. Помни, где он стоит".

–Гляди! Вон они дерево срубили – примета, чтобы самим не нарваться. Вон отмель. А по эту сторону высокий яр. Запомнил?.. Ну, айда назад, к лодке!

28

Они едва вышли из тальников, как раздался окрик: „Стой, стрелять буду!“ –„Стой сам, собачий сын!“ – злобно выругался дед.

Подойдя, он рассказал, что едут с внуком за муной, голодают. Солдат поверил, махнул рукой в сторону минных заграждений: „Туда нельзя! Поворачивай обратно!“

Старик столкнул бударку, пинком подсадил плачущего Максима: „Живо! Садись и давай выгребать к „Ермаку", пока этот дурень-солдат не одумался".

–„А умный у нас командир, что велел тебя взять на разведку. Вид у тебя настоящий голодающий и плакал ты натурально“. – „Да я испугался, дедушка“.

К вечеру они были на „Ермаке". Максим совсем сморился и крепко спал в трюме.

Вдруг бухнули и загудели форсунки. Сон отлетел. Мальчик понял, что это Алексей зажёг топки, а теперь спускает из котлов воду.

Через секунду за Алексеем хлопнула дверь. Максим бросился к манометру: стрелка далеко перешла черту. Обжигая руки, плача от боли и ужаса, он погасил форсунки. Но давление всё повышалось.

Максим вбежал к Леонтию, хотел заговорить, но лишь прохрипел: „Алексей... котёл!..“ – Леонтий понял сразу: „Ты погасил форсунки?.. Молодчина!“

Механик кинулся к предохранительным клапанам. Клапаны были туго притянуты проволокой. Леонтий сорвал её, и пар вырвался со свистом. Опасность миновала.

Леонтий разбудил Ждана, и они вместе бросились на корму. Бударки не было. – „Дело дрянь, – сказал Ждан. – Предатель нас выдаст. Надо уходить. Может, до рассвета успеем пройти минное поле".

38

В предрассветной мгле „Ермак“ подбирался к минному полю, едва шевеля плицами колёс.

На мостике командир и лоцман говорили шёпотом: „Проскочим? Ничего не видно“. – „Не беспокойтесь, – отвечал старик, – вижу. Идём правильно“.

Но вскоре проглянули первые лучи солнца, и тотчас с берега ударила пушка, а от песчаной отмели выбежали два бронированных катера.– „Огонь! –скомандовал Ждан. – Полный вперёд!"

41

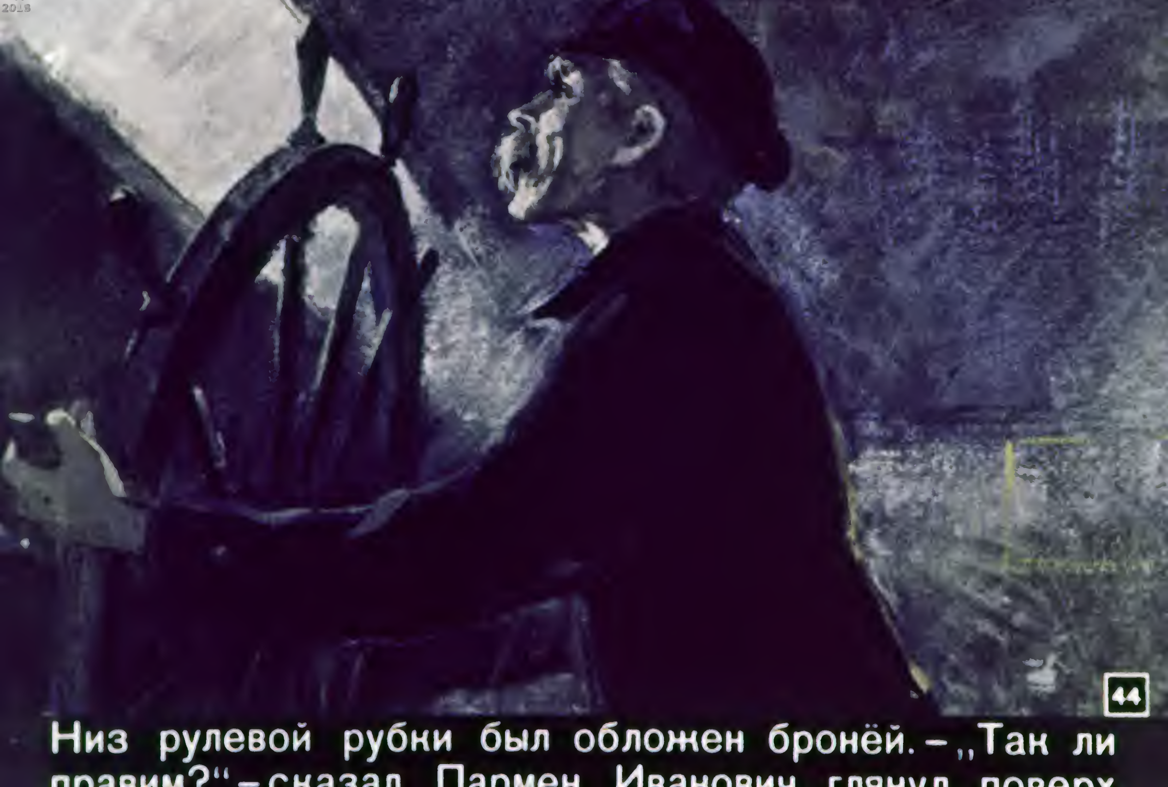
Вокруг падали снаряды, а пулемёты решетили надстройки.

Прислуга у кормового орудия была перебита, убиты пулемётчики. Ждан сам лёг за пулемёт, один вёл огонь по катерам.

В рубке ранило рулевого, и лоцман вызвал из трюма Максима.–„Помнишь, сынок, где был красный бакен? Если меня убьют – держи чуть левее".

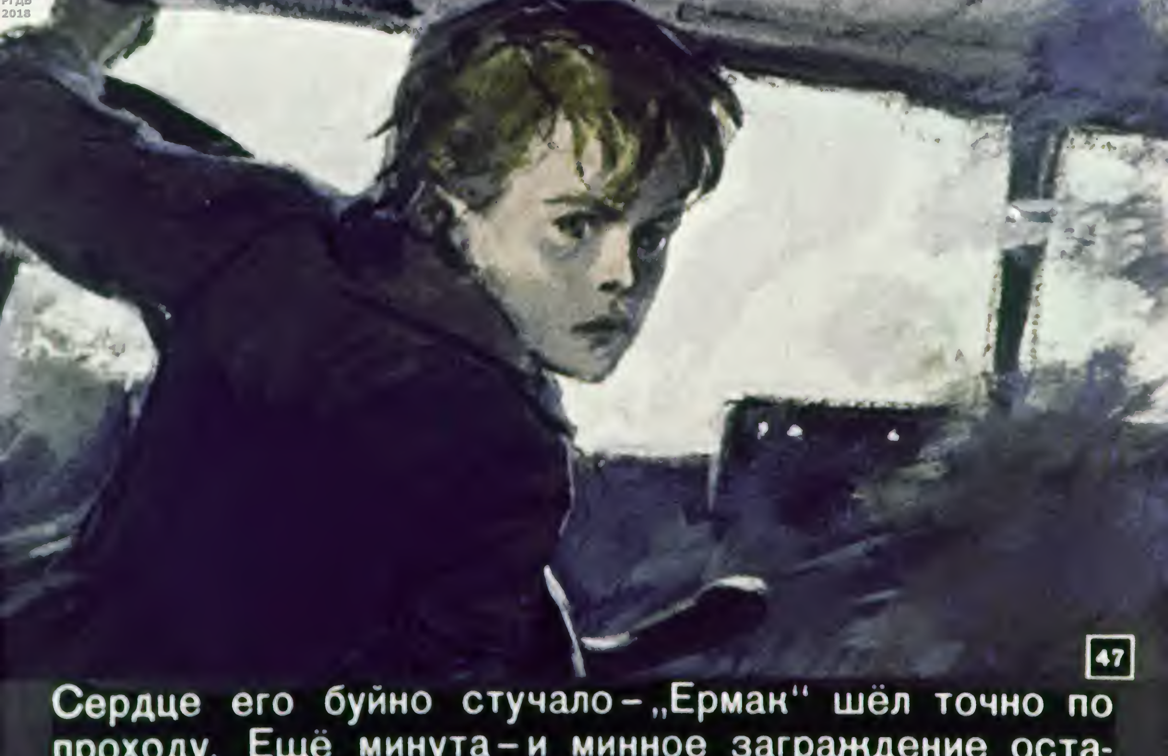
Низ рулевой рубки был обложен бронёй. – „Так ли правим?“ – сказал Пармен Иванович, глянул поверх брони...

...и тут же упал. Он слабо махнул рукой, показывая, что надо брать вправо. Но у Максима не хватало силы повернуть колесо.

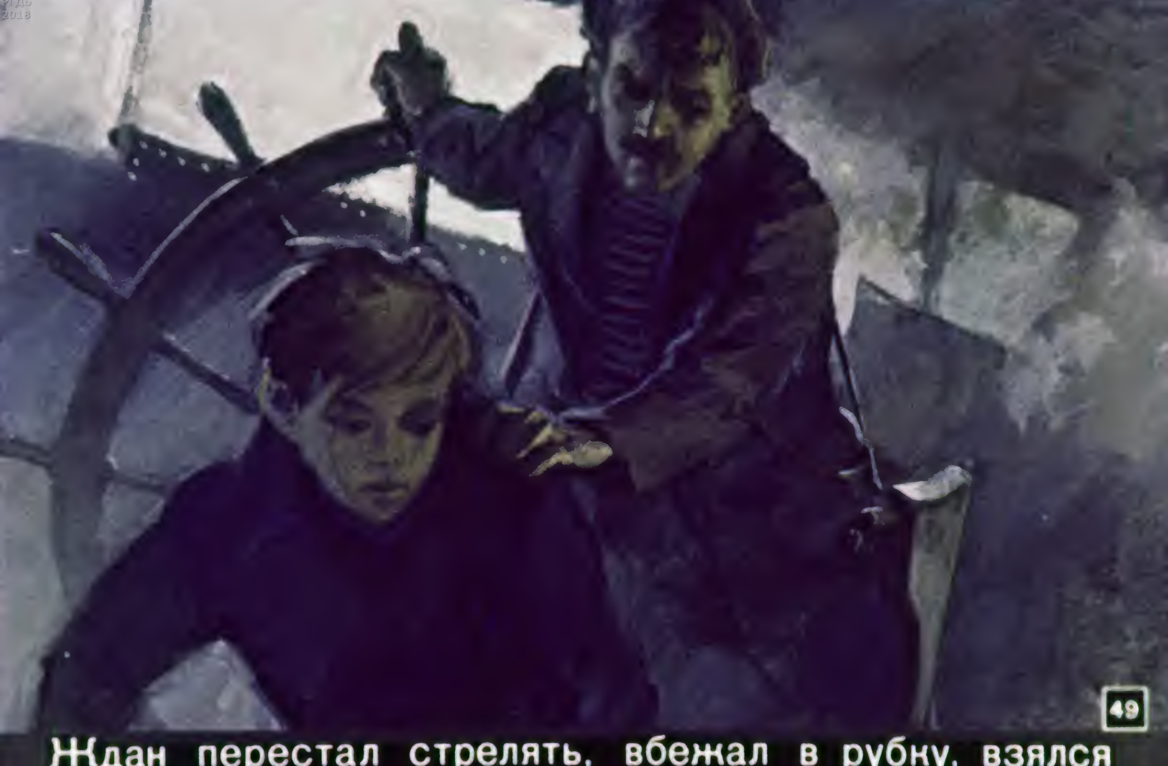
Не думая о пулях, он стал на колесо ногами и, переступая со спицы на спицу, медленно скатывал руль. Он ясно видел срубленное дерево, яр и словно чувствовал, где стоял красный бакен.

Сердце его буйно стучало – „Ермак" шёл точно по проходу. Ещё минута – и минное заграждение осталось позади. Вдруг мальчик с удивлением услышал, что пули перестали бить в броню, и оглянулся.

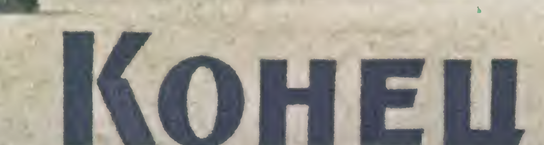
Один катер, окутанный дымом, повернул назад. Другой потерял управление, и его несло на мины. Было видно, как люди бросаются в воду.

Ждан перестал стрелять, вбежал в рубку, взялся за штурвал и, наклонившись, поцеловал Максима.— „Посмотри деда. Жив ли?“

– Жив? Беги за фельдшером!

Конец

Сценарий Н. Топоркова
Редактор В. Кузнецова
Художественный редактор А. Морозов
Д-186-64
Студия „Диафильм", 1964 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Черно-белый 0-20. Цветной 0-30